

ИЛЬХАМ ГАХРАМАН

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

Увы...

(Посвящение собственному 60-летию)

Именем своим я дорожил,
Жил, как жил,
на ближних не грешил.
Сад свой холил, не жалел часов –
Сорняки взошли, миндаль засох.

Как я жил –
поверишь ты едва ли:
Радости я обретал в печалях,
Запретив себе по жизни нить,
Чтоб уста о горестях молчали.

В путь пускался без возврата я,
Опьянялся лишь стихами я.
Огорчался скотскими делами
Тех, кого причислил к людям я...

Молитва

Ветви – плодами,
горы – снегами,
птицами – высь
ты украсил, Всевышний.
Не оставляй нас в бесплодьи томиться –
что без любви наша жизнь и душа?..
Стержень пера,
где гудит пустота...

Дождь

Не различая труб, арыков мимо,
С небес сегодня
Хлещет этот дождь.
Оплакивая жаркие денёчки,
Поет нам этот августовский дождь.

Учительница

Солмаз ханым,
учительница наша –
на тонких каблучках,
с короткой стрижкой,
ступавшая решительно-легко
по улице центральной в нашем детстве...
Ты помнишь молодую «историчку»?
А нас, птенцов,
галдевших громко в классе?
Но ты входила – сразу все стихало...
А помнишь, как цвели в ту пору липы?
Мы за руку здоровались со всеми –
точней, за ветки...

Учительница, помнишь,
как, шагая
по тротуару, некий паренек,
тебя завидев, сдергивал в любую
погоду шапку с головы?..
Но ты, спеша, его не замечала...
Клянусь тем чувством,
что сбивало шапку
с пацаньей головы:
я – тот ребенок,
вьюнок, приникший к стеблю своему...
И до сих пор я, как и он, стою,
прижавшись тесно
к городу родному...

Ты знаешь, не забыл доныне город
те брови и ресницы,
и взгляд,
что полон был и жизни, и любви...
Все еще помнят камни старых улиц
ту дробь решительную каблучков...
Поверь, что и сегодня
в старой школе
всё так же голоса ученики,
всё те же липы вновь цветут вдоль улиц
и так же ждут
рукопожатий детских...

...Ах, что же и когда случилось с нами,
учительница?..
Кто и в чем ошибся,
все спутав – и события, и даты?
Учительница, милая, ответь,
что с нами сделала
история твоя?..

Тоска

Словно корабль, что томится в порту,
Лодкой, разошедшей на берегу –
Так я скучаю!

Как экспонаты в музее безлюдном:
Пыльный башмак, утварь, старое блюдо...
Так я скучаю!

Руки Мушфига вот так тосковали
В час, когда путы писать не давали –
Так же томлюсь я!

Как монумент одинокий томится
На пьедестале среди шумной столицы –
Так я скучаю!

Как изнывают по детским ручонкам
Женщин бездетных подола бессчётные –
Так я скучаю!

Жертвой, в прицеле застывшей в тоске,
Пальцем, что нервно дрожит на курке,
Нынче томлюсь я!

Словно фонарь в ожидании ночи,
Пёс, что хозяином брошен на даче –
Так я тоскую!

Словно очаг, что кочевник покинул,
Словно покойник в удобной могиле –
Так я тоскую...

Marina

Как птицы,
жадно ищущие корма,
слетаются на зов мой
эти волны –
спешат-бегут на берег,
шелестя.

Вонзился в море
месяц-ятаган.
А эта вот купальщица ночная
в своем прозрачном белом одеянье
парит в волнах как ангел
этих мест

Любовь в осеннем Шеки

За шагом шаг мы обошли дворец
старинный ханский
в городе старинном,
разглядывая дивные узоры –
хвала и слава древним мастерам!..
Помолимся за души наших предков!

Нас каменные улочки вели
в закат..
И мы с балкончика склонялись
над караван-сараям,
чтоб расслышать
мелодию, что напевал нам он –
в той песне старой
фыркали ослы,
вздыхали, встряхивая бубенцами,
навьюченные до ушей верблюды,
уздечками звенели всюду кони,
хвостами поводя,
жуя зерно...

У местной лавочки окликнул я тебя,
шепнул: «Замри!..»
Пусть исполины-горы
нас разглядят с небесной высоты
как следует –
двух крохотных влюбленных,
пусть нас навек запомнят эта осень,
и горы, и Шеки...

Цепь гор – как строй янтарных пирамид,
осенняя заря на них дрожит.
Осенняя печаль нам сердце жжет,
как будто бы расстанемся вот-вот,
и отравляет кровь
в потемках жил.

Мы видели, как осень лист пятнает,
пурпуром лес расшив.
И келагаем с дальних гор сползает
на голову Шеки.

Вновь нёмы мы
перед осенней сказкой –
ах, где берет природа эти краски?..
И осень накрывает вновь Шеки,
отгородив от мира нас двоих.

Одиночка

Охотился на рифмы и слова –
кипела кровь, кружилась голова.
Везде и всюду одинок поэт,
весь мир его – любовь,
которой нет.

День февральский в Баку.
Город тонет в снегу.
Ни зерна и ни крошки
в тот день не найдя,
воробьишки слетелись
к окну моему.
Хлеб свой ржавый,
крутого замеса
я им
раскрошу,
поделившись последним куском.
Пусть клюют на здоровье –
порадуюсь я,
что пернатым по нраву
пришелся мой хлеб,
хлеб поэта –
тяжелый, земной...
И пичугам понятно:
горбушку кроша,
я не к выгоде скорой стремлюсь –
на чужой каравай
не раскрывши роток,
хлебом черным,
но честным
я с миром делюсь.

Без тебя

Пришла
моя любимая ко мне.
И – вспыхнул город
сотнями огней,
в душе заговорило сто желаний!..

Ушла.
И наступила в мире тьма –
как будто интереснейший роман
так и не смог я дочитать
в тот вечер...

Так хочу умереть

**Я умереть хотел бы –
от любви.
Прошу, услышь молитву эту, Боже:
пусть, как ребенок,
в миг последний мой
улыбка обежит мое лицо
и губы тронет мне ручонкой...
Боже,
пускай я рассмеюсь на смертном ложе!..**

**Во всем я узнавал черты Твои.
И вот прошу –
Тебе оно по силам –
уговори любовь, приблизь ко мне.
Как некогда случилось с Ибрагимом¹,
занёсшим нож
над милым существом –
любовь восстанет над небытием!**

**Я умереть хотел бы –
от любви.
В душе бушуют смешанные чувства,
в ней радость вечно с горем сплетена.
Пусть горько плачут знавшие меня –
я к ним лицо с улыбкой обращаю...
Такой кончины,
Боже, я ищу!..**

¹ Пророк Ибрагим (в христианской традиции – Авраам) готов был принести в жертву Господу собственного сына, но Бог не принял этой жертвы, вовремя остановив его.